

IX

ПРОРЫВ

Завоевания русского марксизма в первые восемь—десять лет его существования по своему характеру не были легальными. Ни общественность, ни даже сама Группа не сознавали полностью того, что происходит. Однако уже к середине девяностых годов дела приняли исключительно благоприятный для марксистов оборот. Раньше все движение, практически, составляли эмигранты, теперь в России активно действовала внушительная сила. Она состояла, прежде всего, из интеллигентов, привлеченных в социал-демократический лагерь. В крупных городах они готовили масштабное стачечное движение, проводя агитацию среди заводских рабочих и возбуждая их недовольство. Успехи показали, что влияние социал-демократии на русский пролетариат резко набирает силу. Тем временем, плацдарм марксизма в кругах интеллигентии тоже заметно расширялся. Этому, во многом, способствовало ослабление правительства ограничений на издание марксистской литературы в 1894—1899 годах. Эра «легального марксизма» дала марксистам в России и находившимся в эмиграции основателям движения возможность обращаться к более широкой аудитории. Социал-демократические кружки стали возникать во многих городах, и слияние их во всероссийское движение было делом ближайшего будущего. Немаловажной чертой столь успешного развития был приход к марксизму в этот период целой шлеяды выдающихся деятелей России*.

Прорыв русского марксизма не был итогом деятельности одной лишь Группы «Освобождение Труда», он являлся одним из признаков, сделавших девяностые годы столь отличными от восьмидесятых. Самой важной переменой было возвращение интеллигенции на арену общественной деятельности после десяти лет почти полного квантования.

* Среди них были такие разные и талантливые люди, как Максим Горький, чья литературная деятельность вскоре получила международное признание; П. Б. Струве, будущий вождь либералов; Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, которым суждено было стать известными теологами и философами; М. И. Туган-Барановский — выдающийся экономист; а также В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий и Ю. О. Мартов.

ма. Толчком к этому повороту стали прежде всего потрясающие факты, открывшиеся взору общественности во время великого голода 1891—1892 годов. Засуха и неурожай могут поразить любую страну. Интеллигенцию глубоко изволновало не столько это природное бедствие, сколько парварское отношение к нему в России, которую они считали современной, цивилизованной страной. Миллионам грозила голодная смерть, а правительство и не думало сокращать экспорт зерна. В стране хватало запасов, чтобы позаботиться о нуждающихся, но правительствоказалось слишком равнодушным или неумелым, либо и то и другое вместе, чтобы распределить их должным образом. Даже его старания скрыть от общества масштабы бедствия не удалось, и ужасающее зрелище слабости и черствости государственных чинов перед лицом несчастья послужило сигналом к тому, чтобы интеллигенция вновь осознала свою ответственность перед обществом. «Малые дела», как поняла она к своему глубокому сожалению, порождают «большое бедствие»¹. Возрождение активности интеллигенции, ее преданности делу прогресса, блага страны и народа стало ключевым фактором политического подъема девяностых годов.

В условиях голода множество представителей интеллигентии и других образованных слоев общества включились в работу земств и частных организаций по оказанию посильной помощи и поддержки страдающим крестьянам. На фоне этой общественной работы деятельность государства оказалась настолько ничтожной, что определенные силы общества потребовали от правительства ограниченных полномочий для разработки и реализации программ действий. Среди противников сохранения власти самодержавия выделилось два основных направления. Одно, в число приверженцев которого входили так называемые либералы-славянофилы и умеренные либералы, надеялось добиться перемен в политической системе строго легальным путем — убеждением, разумными доказательствами и послушанием². Люди этого толка особенно активно участвовали в общественной помощи голодающим. Другие, включая левых либералов и революционеров-социалистов, считали, что подобными средствами людям серьезно помочь нельзя. Они возлагали ответственность за бедствия крестьян на правящую Россию и в голодном кризисе увидели возможность для наступления на царское правительство. Только путем его свержения можно добиться существенного улучшения условий жизни масс³.

Как это случалось и раньше в истории России, правящие круги сыграли на руку революционерам, отказавшись пойти на какие-либо уступки. Последние годы царствования Александра III свидетельствовали о том, что его взгляды по вопросу о наиболее подходящем для России конституционном устройстве изменений не претерпели. Его преемник, Николай II, взошедший на престол в 1894 году, тотчас разрушил все надежды на то, что самодержавие пойдет хотя бы на умеренную либерализацию политической системы. В своей знаменитой речи в Дворянском собрании в начале 1895 года Николай II назвал желание представителей земства об участии в делах внутреннего государственного управления «пустыми мечтами» и подтвердил свою неизысканную верность принципам самодержавия. Он достаточно ясно дал понять, что мирные и легальные представления, направленные в его адрес с предложением о переменах в политической системе, ни к чему не приведут. Горячим критикам режима, а таких в результате разразившегося голода было немало, не оставалось ничего, кроме революционных действий.

Марксисты выиграли больше всех в результате событий 1890-х годов. Робость главной фракции либералов (в основном, помещиков) перед лицом оскорбительного, вызывающего высокомерия властей, их упорные надежды на красивый жест со стороны престола не могли вызвать энтузиазма у тех, чья враждебность к существующему порядку зашла уже далеко. Что касается народников, на их долю также неблагоприятно сказалась ситуация голода. Сообщения в печати и рассказы очевидцев из числа интеллигенции, многие из которых добровольно участвовали в работе по организации помощи голодающим, показали общественности бедственное положение среднего крестьянина. То, что открылось тогда, имело мало общего с идеаллией, которую рисовали некоторые народники: крестьянство, живущее под сенью сельской общины, гармонично обеспечивающей удовлетворение всех его материальных и духовных потребностей. Основы сельской жизни России оказались далеко не идеальными. Кроме того, те, кто продолжал считать мяtek крестьян орудием уничтожения шаризма, не нашли подтверждения своим идеям в событиях, происходивших в условиях голодного кризиса. При всех признаках отчаяния в деревнях не вспыхнула Жакерия; казалось, бунты Разина и Пугачева не будут иметь продолжения в современной России. Такие размышления еще больше истощали веру народников; и, к удовлетворению марксистов, подтверждали положе-

ния Плеханова о судьбе общины и революционном потенциале крестьянства.

Тем временем Россию схватила промышленная революция, которая доказала еще один важный элемент верности марксистского анализа. Через три десятка лет после отмены крепостного права строительство транспортных сооружений и создание кредитных учреждений, введение протекционистских тарифов и другие меры подобного рода заложили основы развития промышленности. В ряде производственных отраслей уже наблюдался существенный рост промышленного производства. В конце восьмидесятых и девяностых годах, в особенности, при способном и энергичном министре финансов С. Ю. Витте, происходила мощная и успешная индустриализация. Фабрики в России росли как грибы, число рабочих из многих из них было значительным. Стало невозможно отрицать ни наличие пролетариата, ни возможность укоренения капитализма в России. В дополнение к ряду других факторов, голод также способствовал росту стачечного движения, которое началось в 1892 году и продолжало набирать силу⁴. Невыносимые условия жизни в деревне вызвали приток рабочей силы в промышленные центры, и предприниматели получили возможность понизить уровень требований к условиям труда. Когда некоторое время спустя бум в строительстве железных дорог увеличил темпы развития промышленности в целом, рабочие повели борьбу за улучшение условий жизни. Их стачки обратили внимание интеллигенции, увидевшей в лице пролетариата новый потенциал революции: если придется отказаться от мысли использовать крестьянство, то в стране растет другая массовая сила, способная не просто восместить эту потерю.

В начале девяностых годов Группа «Освобождение Труда» еще приходила в себя после неудавшейся попытки объединить усилия в борьбе с царизмом в период голода и не менее грустного конца ее краткого союза с группой Бруснева. Плеханова и его соратников вдохновило празднование петербургскими рабочими Первого Мая 1891 года, однако сознание того, что это мероприятие было спланировано и проведено без их участия, снижало их радость. Находясь в Европе, они не могли во всех подробностях представить ситуацию в России и еще не знали, что в это самое время там формируется новое поколение марксистских руководителей, для которых Плеханов — пророк, правильно предсказавший ход развития России. Его авторитет быстро рос, а с ним поднимался престиж марксистского метода, которому Плеханов был обязан своей проницательностью.

Много лет спустя П. Б. Струве, которому в те годы скоро суждено было стать выдающимся деятелем «легального марксизма», писал: «В то время (в период 1890—1894 гг.) доктрина российской социал-демократии в своих основных положениях прочно опиралась на труды эмигрантов социал-демократов, в частности, Павла Аксельрода, Георгия Плеханова и Веры Засулич. Мы жадно поглощали их труды, и они оказывали на нас громадное влияние... В особенности велико было влияние и обаяние трудов Плеханова... как автор „Наших разногласий“ он сыграл огромную роль в закладке фундамента российского ортодоксального марксизма⁵. Ю. О. Мартов, будущий лидер меньшевиков, пишет в своих мемуарах о том, как в то же время был вовлечен в марксистское движение. Он и его друзья решили посвятить всю жизнь революционному движению и сделали несколько пробных, не очень обнадеживающих попыток, но в 1892 году впервые познакомились с произведениями Плеханова и увлеклись ими. Один из них, А. Н. Потресов, тайно провез из-за границы партию нелегальной литературы. Там были номера журнала «Социал-демократ» с «блестательными внутренними обозрениями» Плеханова, издававшимися Группой «Освобождение Труда». Мартов и его друзья быстро осознали убедительность его доводов и вскоре провозгласили себя социал-демократами⁶.

В том же году Ленин, работавший присяжным поверенным в провинциальной Самаре, тоже стал марксистом. Он охотно признавал бесспорно огромную роль трудов Плеханова как в собственном становлении, так и в формировании всего марксистского движения в целом. В первой большой политической статье (1893), направленной против народников, Ленин ясно дал понять, что считает «Наши разногласия» классическим изложением марксистской теории, книгой, которую необходимо опровергнуть, если народники хотят остаться на поле боя. Как, спрашивал он, может Михайловский, тогдашний ведущий представитель народников, вести полемику с марксистами, не замечая Плеханова и его окружение?⁷ Первый марксистский труд Плеханова — «Социализм и политическая борьба», утверждал Ленин, по значению для России может сравняться с «Манифестом Коммунистической партии» на Западе⁸. Много лет Ленин считал себя учеником Плеханова, и печать плехановского влияния неизгладимо легла на первые работы Ленина.

Нет необходимости говорить, что не только деятели такого масштаба, но и все большее число юношей и девушек, не столь выдающихся, эволюционировали в том же направлении. Только началом перехо-

да к марксизму объясняется никак иначе не объяснимый феномен тех лет: вовлечение народниками своей «тяжелой артиллерии» для обстрела врага^{*}. Русский марксизм проложил себе дорогу в процессе разрушения того, что его сторонники называли «илюзиями» народничества. В восьмидесятых годах, когда марксизм был незначительным движением, наиболее влиятельные деятели народничества не считали нужным его замечать. В первой половине девяностых растущая сила и наступательность марксизма проявились как в письмах, в большом количестве поступавших в редакции журналов, так и в выступлениях на открытых и закрытых собраниях студентов и интеллигентов. Лидеры народничества, обескураженные тем, что сам факт всероссийского голода отверг их доктрину, стали подвергаться серьезным нападкам со стороны молодых марксистов в России, изматывавших их так же, как изматывает отряд партизан отступающую, дезорганизованную армию. Всплеск журнальной активности народников в девяностых годах был не уверенным наступлением свежих сил, а отчаянными действиями арьергарда. Такова была расстановка сил в широкой общественной дискуссии, которую вели народники и социал-демократы в эпоху «легального марксизма».

Власти допустили эту дискуссию, совершив ряд просчетов в отношении оппозиции. Например, народники девяностых, в основном, отрешились от революции. Блестящее подтверждая сделанное несколькими годами ранее предсказание Плеханова, народники теперь пытались убедить царское правительство использовать свою власть для сохранения дорогих им основ сельской жизни, которые, как они полагали, революция бессильна спасти. В то время, пока наиболее влиятельные представители народничества искали нечто вроде союза с тем самым режимом, с которым прежде они и их предшественники сражались не на жизнь, а на смерть, правительство продолжало видеть в нем своего непримиримого врага былых времен. Подобно генералам, способным сражаться лишь в последнем бою, российские полицейские чины настолько закоснели в своих представлениях, что не разглядели, откуда им грозит самая страшная опасность. Еще в восьмидесятых годах один из тайных агентов полиции советовал начальству

* Народники контролировали два крупных журнала — «Русское богатство» и «Русскую мысль». В качестве примеров публикуемых там антимарксистских трудов см. библиографические заметки и обзоры Н. К. Михайловского и Н. И. Кареева в журналах «Русское богатство» (1894. № 1) и «Русская мысль» (1892. № 6).

разрешить организацию марксистских сил в России в качестве противовеса гораздо более агрессивным и злонамеренным народовольцам⁹. Конечно, народники девяностых принаслежали к совсем другому типу революционеров, но правительство, несмотря на это, намеренно проводило политику послаблений для издания марксистской литературы. Поскольку большая часть марксистских работ так или иначе развенчивала народничество, власти полагали, что это поможет им уничтожить самую влиятельную оппозиционную идеологию. От самих марксистов правительство не ожидало хлопот. Характерно, что жандармский полковник из Нижнего Новгорода выразился о них как о «ис опасных сейчас»; а петербургский прокурор считал их «пока только теоретиками»¹⁰. Народникам никак не удавалось получить поддержку государства для тех учреждений, которым они придавали большое значение, в то время как их противникам-марксистам существенно помогло правительственное послабление в цензуре для ведения сражения против народников.

Положение в целом благоприятствовало марксистам, и даже правительство внесло собственную, очень важную лепту, которая была эффективно использована выдающимися новыми лидерами, выступившими в России в девяностых годах. Эпоха «легального марксизма» вполне могла начаться и в восьмидесятых годах, хотя, по ряду других причин, она не была бы тогда такой успешной, если бы кто-то, вроде П. Б. Струве, имел достаточно дерзости и воображения, чтобы сделать то, что предпринял он в 1894 году. Струве смело представил к публикации работу явно марксистской ориентации^{*}; однако при этом очень чутко уловил пределы, какие может допустить правительство в труде такого рода. Книга была разрешена, и выход ее в сентябре 1894 года обозначил начало эры «легального марксизма», которая продолжалась пять лет. То был беспрецедентный случай, когда российское самодержавие позволило марксистам открыто пропагандировать подрывные взгляды. Безусловно, они были вынуждены маскировать революционную политическую сторону своего мировоззрения, но теперь ничто не мешало начать наступление против народничества. Используя легальную литературу, среди которой скоро появились и периодические издания, русские марксисты чрезвычайно расширили влияние

* Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. Спб., 1894.

своего учения на интеллигенцию. Наступило время расцвета русского марксизма.

В этих событиях Плеханов принимал заметное участие, и это обращает внимание на другой аспект изменения ситуации в девяностых годах — вступление Плеханова и Группы в тесное, длительное и плодотворное взаимодействие с социал-демократическим движением в России. Через несколько дней после выхода книги Струве особый курьер уже спешил в Западную Европу, чтобы принести радостную весть признанному теоретику русского марксизма. Понимая, какие новые горизонты открываются перед социал-демократами, посланник, а им был А. Н. Потресов, хотел убедить Плеханова согласиться на легальное издание книги, над которой тот работал. Потресов нашел Плеханова в Лондоне, всецело занятым книгой, направленной против Михайловского и народников, чьи недавние залпы по марксизму в «Русском богатстве» и «Русской мысли» побудили этого сурогового приверженца Маркса и ортодоксального марксизма написать разгромный ответ. По поводу новой инициативы народников Плеханов писал Энгельсу в том же году: «Вы видите что, если во времена Маркса наши русские революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет капиталистической фазы развития, то в наше время та же идея становится очень опасной утопией. Теперь совершенно необходимо с ней бороться»¹¹.

Плеханов с большим интересом отнесся к предложению Потресова напечатать книгу легально в Петербурге, а не в Женевской типографии; его радовала возможность избежать сетей цензуры¹². Как часть стратегии, решено было изменить ее заглавие, и вместо прямолинейного «В защиту материализма» появилось солидное и почти не поддающееся расшифровке «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Отлично понимая, что подписанная именем Плеханова, при самом непонятном заглавии, книга никогда не пройдет цензуру, заговорщики заменили фамилию псевдонимом: Бельтов. Это было началом длинной цепи псевдонимов, под которыми публиковались произведения Плеханова в эпоху «легального марксизма». Часть рукописи Потресов привез с собой в Россию в октябре, и работа Бельтова увидела свет в январе следующего года. Тираж разошелся менее чем за три недели.

Существует масса свидетельств о том колossalном успехе, который она получила в момент появления, и ее влиянии еще долгое время спустя. Ф. И. Дан, один из лидеров меньшевизма, говорил о ее «огром-

ной роли в политическом и идеином развитии русской интеллигенции»¹³. По словам Ленина, эта книга воспитала «целое поколение русских марксистов»¹⁴. А Мартов считал, что это был огромный ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ успех марксизма, наметивший светлое будущее для ПОЛИТИЧЕСКОЙ ориентации русской социал-демократии¹⁵. Возможно, лучше всех объяснила шумный успех этой работы Анжелика Балабанова, впоследствии видная представительница международного социалистического движения: «Я нашла именно то, в чем нуждалась тогда — философию метода, которая вносила непрерывность и логику в процессы истории и придавала моим собственным этическим устремлениям и всему революционному движению в целом силу и достоинство исторического императива. В материалистической концепции истории Маркса, изложенной Плехановым, я нашла источник, освещавший все уголки моей интеллектуальной жизни»¹⁶. Этот панегирик напоминает и словно подтверждает замечание Бердяева о религиозной природе мышления русской интеллигенции, с ее пристрастием к грандиозным системам, стремящимся охватить и объяснить весь мир со всеми явлениями его составляющими¹⁷. Радикалов невероятно воодушевило «открытие» Плеханова относительно того, что история развивается по объективным, непреложным законам; что эти законы, сформулированные Марксом, дают его последователям ключ к пониманию прошлого и настоящего; и (следовательно), что процесс исторического развития гарантирует достижение целей революционеров в будущем.

Работа Бельтова представляла собой исследование истории развития мысли в течение ста лет, вплоть до появления трудов Маркса¹⁸. В ней прослеживалось развитие философской мысли, и в особенности, общественных наук от французских материалистов XVIII века, через французских историков времен Реставрации, социалистов-утопистов и немецких философов-идеалистов, особенно Гегеля, до диалектического материализма Маркса и Энгельса. Все это рассматривалось как последовательные фазы эволюции мысли к высшим, более совершенным формам; как развитие, отражающее поступательное движение общественной и экономической жизни и обусловленное им. Плеханов анализировал взгляды представителей этих последовательных течений с уважением, ибо, по его мнению, каждый из них являл собой необходимую стадию развития, внес свой собственный вклад в общий прогресс. При этом, однако, он весьма проницательно и с большой дозой эрудиции определял то, что считал слабостями их мировоззрения и показы-

вал, как последующие поколения мыслителей преодолевали их. И, наконец, в историческом материализме Маркса Плеханов видел систему, устранившую все препятствия на пути к научному социальному анализу. В ходе изложения Плеханов подверг резкой критике сторонников народничества, а в конце книги обрушился на них всей силой своей полемической моски. Он бичевал их как представителей устаревших форм мышления, сотканных из тех противоречий, которые успешно разрешили столь чернмызы народниками Маркс и его сторонники.

В последующие несколько лет с письменного стола Плеханова поступал для публикации в русской легальной печати постоянный поток материалов. Часто упоминаемый коллективный сборник 1895 года, почти полностью — за исключением ста экземпляров — конфискованный полицией, содержал, кроме статей Ленина, Струве и Потресова, две статьи Плеханова. В том же году Плеханов вторгся в лагерь противника, опубликовав в «Русской мысли» под псевдонимом Ушаков статью в защиту «экономического материализма». В ней он нашел основу для возможности, пусть ограниченной, сотрудничества с рядом народников. Но в 1896 году, уже под именем Волгина, Плеханов вновь вступил в бой, вооружившись новым увесистым томом против наиболее крайних представителей народничества; на этот раз объектом его нападения стал В. Воронцов¹⁹. Неукротимый пропагандист также написал множество работ — практически все содержащие критику народничества — в такие периодические издания «легального марксизма» как «Новое слово», «Научное обозрение», «Начало», «Жизнь» и газета «Самарский вестник». В это время престиж Плеханова достиг апогея. Никогда прежде у него не было такой широкой аудитории; никогда раньше, и, пожалуй, никогда больше, обстоятельства не были столь благоприятны для пропаганды учения Маркса.

Успехи у интеллигенции доставляли Плеханову удовлетворение, вообще он считал эти успехи предпосылками всех последующих действий. Но, как он не уставал повторять, сама интеллигенция — всего лишь штаб без армии. Тем не менее случилось так, что успехи среди интеллигенции в 1890-х годах произошли одновременно с крупным прорывом социал-демократической пропаганды в рабочей среде. И в обоих случаях новые руководители движения энергично и творчески использовали благоприятную ситуацию, вовлекая в движение силы масс. И снова Плеханов и Группа «Освобождение Труда» были тесно связаны с этими начинаниями.

Уже в 1892 году, казалось, созрели объективные условия для плодотворной работы среди российского пролетариата: быстрый рост работников наемного труда в промышленных центрах, недовольство ухудшением и без того тяжелых условий труда и наличие, хотя бы небольшого числа, убежденных марксистов в среде интеллигентов. Марксисты рвались испытать себя в деле, «пойти в народ», как прежнее поколение революционеров, однако на этот раз не к крестьянам, а к пролетарию в промышленных городах. Первая стадия последующего движения сильно напоминала лавровскую стадию народничества семидесятых. Молодые марксисты считали своим делом образование рабочих. Сами лишь недавно потрясенные «научным социализмом», они жаждали передать новые знания тому самому пролетариату, которому, по их мнению, история предназначила стать создателем социализма. Стремление установить связь с представителями рабочего класса привело многих из них к работе в легальных и благонадежных Комитетах грамотности, занимавшихся начальным образованием среди рабочих. Этим или более прямым путем множество фабричных рабочих вовлекались в нелегальные социал-демократические кружки, где образование — но уж менее искреннего sorta — оставалось основным делом. Как тогда говорили, социал-демократы стремились воспитать будущих российских Бебелей*.

Эта фаза развития российской социал-демократии обычно называется эрой кружковщины. Практически она состояла в повторении среди рабочих примерно того же типа деятельности, какой применялся для внедрения идей марксизма в среду интеллигенции и ее новлечения в революционное движение. В связи с этим, а также в силу ряда других причин, в середине девяностых годов кружковщина оказалась под сильным огнем критики. Утверждали, что работа в кружках не отвечает основной задаче работы социал-демократии среди рабочих — созданию массового движения. Опыт показывал, что абстрактные идеи социализма, даже воплощенные в таком вдохновляющем произведении, как «Манифест Коммунистической партии», мало что значат для среднего рабочего. В кружковой работе социал-демократы стремились не к расширению, а к сужению масштабов движения. Вместо того, чтобы обращаться к массам, марксисты просто выхватывали самых умных и способных из грамотных рабочих. Ориентируясь на вос-

* Август Бебель — выдающийся деятель немецкой социал-демократической партии, сам был рабочим.

питание меньшинства, пропагандисты не затрагивали массы рабочих. Такая тактика препятствовала созданию массового движения, без которого всякое стремление к политической свободе и конечной победе социализма оказывалось просто химерой.

Возможно, социал-демократы смутно предчувствовали то время, когда их подопечные сами поведут массы рабочих на борьбу за претворение в жизнь задач социал-демократии. Однако на практике, как утверждали их критики, руководители кружков были настолько поглощены своими педагогическими обязанностями, что теряли из виду истинные цели. Даже продолжая ориентироваться на эти цели, в какой момент они хотели и могли нарушить границы кружковой работы и перейти к массовой деятельности? Кружковая работа имела тенденцию замыкаться на самой себе, ввиду того, что избранные рабочие, поднятые до интеллектуального уровня радикальной интеллигенции, выказывали склонность продолжать использовать те же методы. Могло получиться так, что вместо создания непреодолимого рабочего движения, социал-демократы останутся всего лишь с горсткой рабочей интелигенции, которую образование отделяет широкой пропастью от тех, кого они должны повести за собой. Если социал-демократы намерены продолжать действовать таким образом, то, по крайней мере, они не должны заблуждаться относительно значения того, что делают: их работа едва ли отличалась от той, которую осуществляли Комитеты грамотности.

Такой критический диагноз был поставлен в популярной брошюре, написанной в 1894 году под заглавием «Об агитации». Она была составлена А. Кремером на основе личного опыта пропагандистской работы среди еврейских рабочих в Вильне. В качестве выхода из заколдованного круга Кремер предлагал сконцентрировать усилия не на пропаганде среди отдельных лиц, а на агитации в массах. Теоретическим образованием самых способных рабочих не следует пренебрегать, ибо это создает столь же одностороннее и ложное положение. Однако основные силы и работа социал-демократов должны быть направлены на рабочие массы, а это требует совершенно другого подхода. Агитация должна быть основана на непосредственном знании условий на фабриках. Социал-демократические агитаторы должны уловить пульс жизни пролетариев и соотнести свои призывы с самыми насущными потребностями рабочих, составляющих эти массы. Таким образом марксисты смогут мобилизовать рабочие массы на защиту своих интересов, завоевать доверие в ходе совместной борьбы, постепенно при-

общая к более широким идеям и задачам социал-демократии, и, в конечном итоге, сплачивая их в армию социал-демократии для ведения политической борьбы. И, вдобавок к другим очевидным преимуществам, утверждал Кремер, агитация хороша тем, что здесь можно добиться больших побед малыми силами. Сравнительно небольшое число агитаторов может создать движение таких масштабов, с которым правительству будет трудно справиться; в то время как кружки, где интеллигентов больше, чем рабочих, постоянно и легко громят полиция.

В семидесятых годах педагогический лавризм, стремившийся привить в крестьянских умах социалистические идеалы, доказал свою не-длесспособность и уступил место бахунистской агитации за предлагаемые истинные идеалы крестьянства — землю и волю. Теперь, похоже, история повторялась, поскольку предлагалось перейти от пропаганды теории марксизма к широкой агитации, основанной на насущных потребностях рабочих масс. Считалось, что идеи социал-демократии станут своевременными и обретут смысл для рабочих масс только в ходе их борьбы за понятные им интересы, а не ранее того.

По всей видимости, такая программа отвечала задачам развития массового социал-демократического движения. Создавая силу доводов против кружковщины, несоответствие ее достижений задачам движения, активисты пропагандистской работы вскоре приняли новую стратегию. Мартов, а немного позже и Ленин, особенно энергично популяризовали и проводили ее в жизнь. Первый убедился в банкротстве кружковщины в период своей ссылки в Вильню. Как и Кремер, он испытал чувство разочарования, увидев собственными глазами как кружковщицы, не замечая реальных возможностей для мобилизации сил рабочих, попадали в тупик. Мартов фактически помогал Кремеру готовить его работу к размножению и распространению. Вернувшись в Санкт-Петербург в 1895 году, он убедил знакомых социал-демократов в необходимости перехода к агитации. Ленин, которого тогда еще знали под его собственной фамилией Ульянов, прискасал в столицу в 1893 году. Он очень скоро приобрел репутацию глубокого, серьезного революционера, единственного организатора нелегальной работы и автора полемических работ, в которых проявлялась недюжинная хватка и сила. Под влиянием работ Плеханова и Аксельрода он также недавно осознал необходимость перехода от кружковщины к агитации. Мартов и его друзья вскоре объединились с группой Ленина в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»²⁰.

Отношение Плеханова и женевской Группы «Освобождение Труда» к полемике против кружковщины за агитацию было двойственным. В каком-то смысле их собственные усилия создали и поддерживали кружковую работу, что, по-видимому, и признавал Плеханов, зная, что сначала они нескролько односторонне увлеклись пропагандой²¹. Увлекшись теорией и необходимостью пропаганды марксизма среди интеллигенции, Группа не склонна была уделять много внимания рабочему классу, в частности, так обстояли дела с подготовкой печатных работ для рабочих. Это стало одним из обвинений в их адрес со стороны тех, кто образовал оппозицию сначала в 1888, а затем в начале девяностых годов. Молодое поколение марксистов считало неуместным, чтобы самозванный социал-демократический центр издавал глубокие теоретические труды, непонятные рабочим. Один из них возразил Плеханову в 1888 году: «Вы еще Гегеля будете излагать и издавать»²². На самом деле Плеханов считал, что одна и та же литература не может служить нуждам и рабочих, и интеллигенции; и это совершенно очевидно, если сравнивать брошюры, написанные им для этих столь разных читательских аудиторий. Его внимание к теории следовало из убеждения, что для организации социал-демократической деятельности среди рабочего класса нужны представители интеллигенции. Образованные сторонники марксизма в начале девяностых годов, несомненно, считали кружковую работу выполнением наставлений своих учителей. Ведь, в конце концов, разве они не несут в рабочий класс стиль деятельности своих старших товарищей? Ошибка их состояла в том, возражали критики, что они бездумно использовали для приобщения к социал-демократии рабочих те же методы, которые применялись при работе с интеллигенцией.

Что касается Плеханова, если даже деятельность его и Группы каким-то образом и создала модель кружковщины, выраженная в его работах концепция развития движения давала мало оснований для подобных заключений. Если бы молодое поколение марксистов делало то, что он говорил, а не то, что делал, им удалось бы избежать опасностей кружковой работы. Идеи, выраженные в брошюре «Об агитации», казавшиеся новыми столь многим, можно найти в самых первых марксистских произведениях Плеханова, а восходит они, в сущности, и к более ранним временам. Еще будучи народником, он всегда видел задачу революционеров в создании массового движения: «Освобождение народа может быть достигнуто только самим народом». Но поскольку освобождение, в основе своей, означало свержение ига эконо-

мической эксплуатации, тот, кто надеялся мобилизовать народ на самоосвобождение, должен был принимать его экономические бедствия как основу для агитации. Переходя к марксизму, Плеханов сохранил свою концепцию времен народничества, сделав акцент на том, что класс, стремящийся к освобождению, неизбежно должен вступить в бой на политической арене. В этой новой перспективе он также изменил формулировку процитированного выше основного лозунга на первоначальное выражение Маркса, заменив «народ» на «рабочий класс».

Хотя Плеханов и занимался этим вопросом еще в 1880 году, будучи народником, свое классическое определение пропаганды и агитации и их взаимосвязи он выдвинул лишь во время голодного кризиса. Признавая, что часто трудно провести границу между ними, он предложил ряд характеристик, которые впоследствии стали пользоваться официальным признанием в СССР. Он определял пропаганду как деятельность в период обычной повседневной жизни в стране, а агитацию — как пропаганду в особых случаях, требующих повышенной общественной чувствительности, призванную привлечь внимание тех, кто в обычных обстоятельствах не станет прислушиваться к пропаганде. Кроме того, пропагандист передает множество идей одному или нескольким индивидуумам, тогда как агитатор представляет одну или несколько идей массе людей. В этом последнем качестве, согласно Плеханову, и заключается их основное отличие. В конечном счете, пропаганда без агитации имела бы небольшое историческое значение. Ей подвластны лишь десятки, сотни или тысячи: «...влияние на общественную жизнь современных цивилизованных стран немыслимо без влияния на массу, т. е., без агитации... Следовательно, агитация необходима для всякой партии, желающей иметь историческое значение. Секта может удовольствоваться пропагандой в узком смысле слова. Политическая партия — никогда»²³. По этим определениям кружковая работа относилась к разряду сектантства, а Плеханов с самого начала стремился к созданию партии. Он осудил «кружковщину» еще до настоящего ее рождения. Впоследствии в той же статье он дает целый ряд заповедей успешной агитации.

При обращении к этой теме Плеханову не нужно было оставаться в замкнутой сфере теории. В 1890 году он опубликовал яркие воспоминания о собственном опыте работы среди петербургских рабочих в конце семидесятых²⁴. Этот опыт подтверждал его горячую убежденность в том, что российский рабочий отзовется на тщательно подготовленную и умело проведенную агитацию. Его наставления, написан-

ные еще до всплеска рабочей активности в девяностых годах и обращенные к поколению людей, очень немногие из которых имели представление о прежних делах рабочего класса, должны были направить радикальную интеллигенцию на ведение агитации в промышленных центрах России. Как Герцен однажды бросил клич: «В народ!», так и Плеханов фактически призывал: «К рабочим!». Через несколько лет хождение к рабочим развилось в полную силу, и Мартов отмечал, как плехановские предписания помогли петербургским социал-демократам в середине девяностых годов осуществить переход от кружковой работы к агитации²⁵. Можно добавить, что статья «Об агитации», которая в России существовала только в перепечатке на гектографе, была издана Группой «Освобождение Труда» в 1896 году.

Рост влияния марксизма в девяностых годах сделал почти неизбежным прекращение длительной вынужденной организационной изоляции Группы «Освобождение Труда». Молодые русские, созидающие социал-демократии, совершали паломничества в Женеву все чаще и чаще, чтобы встретиться и посоветоваться с «великими стариками» русского марксизма. Плеханов и Аксельрод засыпали их вопросами; некоторые оставались там подольше и завершали свое марксистское образование, частично помогая старшим товарищам в работе. В тот же период марксизм завоевал более широкую поддержку среди русских студентов, обучавшихся в швейцарских университетах. Постепенно общение с Россией стало более постоянным и надежным. Одним из первых свидетельств установления тесной связи было получение Плехановым в 1893 году мандата на представительство на Конгрессе Интернационала в Цюрихе от группы петербургских социал-демократов, руководимой Мартовым. Плеханов и Аксельрод участвовали в первом конгрессе 1889 года, но теперь Плеханов впервые представлял действующую социал-демократическую организацию из России.

1894 год открыл эру «легального марксизма». Это был год поездки Потресова к Плеханову и издания труда последнего в Петербурге. В том же году один из членов петербургской группы, только что вернувшись от Плеханова и Аксельрода, сообщал своим соратникам, что «старики» считают, что пришло время социал-демократии выступить в качестве партии²⁶. Возможно, их настояния послужили толчком для созыва конференции представителей социал-демократических организаций ряда городов в конце 1894 года, которая приняла решение о координации действий на базе агитации²⁷. В помощь агитационной

кампании было решено подготовить за границей организацию центра по изданию литературы специально для рабочих. Ленин и Е. И. Спонти, представлявшие соответственно петербургскую и московскую организации, были направлены за границу, чтобы получить согласие Группы «Освобождение Труда» на сотрудничество в этом деле. Однако еще до их прибытия был предпринят шаг к объединению разрозненных элементов зарождающейся российской социал-демократии.

Несколько раз предпринимались попытки слияния Группы «Освобождение Труда» с группами молодого поколения русских социал-демократов в Швейцарии. По ряду причин, часть из которых уже упоминалась, они не достигали цели. В 1892—1893 гг. установились особенно напряженные отношения между Группой и молодыми эмигрантами-марксистами. Польский социалист по имени Л. Иогихес (Грозовский), имевший солидное состояние, прибыл в Швейцарию и пытался установить связи с Группой. Поскольку «освобожденцы» постоянно нуждались в финансах, они предложили Иогихесу вступить в организацию. Явно неудовлетворенный положением в Группе, он пробовал диктовать условия финансовой поддержки издательской деятельности, которые те сочли унизительными. Испытательный срок их сотрудничества оказался невыносимым для обеих сторон и закончился взаимными обвинениями. Тем временем, Иогихес собрал вокруг себя достаточное число молодых социал-демократов, живущих в Швейцарии и недовольных *modus operandi* [образ действий — авт.] Группы. Поравв с Плехановым и Аксельродом, он организовал конкурирующее предприятие по изданию социал-демократической литературы на русском языке во главе со своим приятелем Б. Н. Кричевским. Эта новая «Социал-демократическая библиотека» даже вступила в соперничество с Группой «Освобождение Труда» за расположение Энгельса^{*}. Однако в течение 1894 года Иогихес ушел из «Библиотеки», чтобы полностью посвятить себя польскому социал-демократическому движению. Его уход расчистил путь к установлению гармоничных отношений между

* О разногласиях между Иогихесом и Группой см.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 74, 79—82, 95—97. Плеханов обобщил позицию Группы в этом споре в письме к Энгельсу (ГОТ. Сб. 2. С. 317—322). В защиту Иогихеса выступает его товарищ Варский в публикации «Переписка Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич с Л. Иогихесом (Грозовским, Тышкой) 1891—1892» // Пролетарская революция. 1928. № 11/12 (82/83). См. также: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 678—695.

соперничающими группами, разногласия между которыми были скорее организационного, чем идеологического плана. С расцветом социалистического движения на родине возникла особая необходимость в прекращении соперничества и раздоров среди эмигрантов. Надо было покончить с бесплодными спорами, когда зашла речь о той активной поддержке, в которой нуждалось движение. В конце 1894 года, по-прежнему сохранив свою независимость, Группа соединилась с молодыми социалистами за рубежом в «Союз русских социал-демократов за границей» (СРСД). Группа согласилась предоставить в распоряжение Союза свою типографию, если Плеханов и Аксельрод станутся редакторами.

Какое бы большое значение ни придавала Группа этому соглашению, еще более воодушевило ее знакомство с Лениным и Спонти в мае 1895 года. Аксельрод, оставивший воспоминания об этих встречах, назвал их «большим событием в жизни Группы „Освобождение Труда“»²⁸. Практически впервые за долгие двенадцать лет посланцы действующих социал-демократических организаций в России прибыли для переговоров. Более того, оба делегата, хоть явно и непохожие друг на друга, пользовались уважением эмигрантов. Это были живые свидетели серьезности и прочности социал-демократического движения, зарождавшегося в России. По контрасту с молодыми социал-демократами за границей, большинство которых Плеханов и Аксельрод считали легкомысленными болтунами, наконец появились люди знающие и преданные делу, достойные сравнения с революционными героями семидесятых годов. Спонти и Ленин, поочередно, провели примерно неделю с Аксельродом в Цюрихе и, вероятно, такое же время с Плехановым, который снова получил официальное разрешение на жительство в Женеве. Теплый прием, оказанный гостям, сопровождался нескончаемыми распросами эмигрантов, интересовавшимися мельчайшими подробностями движения на родине.

В Спонти Аксельрод увидел «социал-демократа-народника», сочетающего социал-демократические убеждения с идеализмом и революционным темпераментом народников семидесятых. Его довольно наивное благоговение перед рабочими напоминало отношение народников к крестьянству в те дни. С точки зрения Аксельрода, все, чего Спонти не хватало в плане политической проницательности, восполнялось революционной преданностью. Однако самолюбие ветерана революции было задето, когда Спонти призвал его к ответу за то, что Группа не издает литературу для рабочих. Повторяя обвинения крити-

ков Группы среди эмигрантов, Спонти бросил Аксельроду упрек: «Вы развиваете извучные, философские теории. Но это почти недоступно рабочим массам». Даже Маркса он не пощадил: тот тоже не написал ничего непосредственно для рабочих. Аксельрод попробовал, но не вполне успешно, оправдать позицию Группы ссылкой на отдаленность, в течение всех лет существования, от действующих элементов в России. Теперь, обещал он, когда положение меняется, «Освобождение Труда» обязательно будет издавать необходимые брошюры для рабочих. Умиротворенный Спонти передал для Группы средства, собранные товарищами в России, и договорился о получении литературы, обмене информацией в будущем и тому подобное.

Через несколько дней после отъезда Спонти в доме Аксельрода появился невысокий, бледный молодой человек с приветом от Плеханова, у которого он только что побывал. Он подарил Аксельроду сборник материалов о хозяйственном развитии России, недавно опубликованный, один из немногих экземпляров, не конфискованных полицией. После краткой беседы он попросил разрешения зайти на следующий день и удалился. Аксельрод пришел в восторг от того духа социал-демократии, которым был пронизан весь сборник. Особенно «прекрасное впечатление» на него произвела статья за подписью «Тулин», содержащая критику народничества и взглядов Струве. Он почувствовал в ней «темперамент, боязнь огонек, чувствовалось, что для автора марксизм является не отвлеченной доктриной, а орудием революционной борьбы». На следующий день Аксельрод узнал, что его гостем и был тот самый Тулин (одно из первых литературных имен Ульянова, больше известного под своим будущим партийным псевдонимом Ленин). Молодой человек произвел и хорошее личное впечатление. При явных способностях, он был почтителен с Аксельродом и Плехановым, уважая в них наставников. Он держался серьезно, по-деловому, без малейших признаков тщеславия. И более всего, Аксельрод оценил в новичке то качество, что, в отличие от других известных ему молодых людей, Ульянов глубоко интересовался вопросами, волновавшими Группу.

Однако Ленин и эмигранты были согласны не во всех вопросах. Аксельрод и Плеханов одинаково критически отзывались об оценке либералов, которую тот давал в своей статье. Молодой человек не делал различий между российскими и западными либералами, уже сыгравшими свою революционную роль в борьбе против абсолютизма и теперь объединившимися с силами *status quo* против наступления соци-

ализма. Однако, по мнению Плеханова и Аксельрода, русским либералам еще только предстоит сыграть такую роль, поскольку Россия еще испытывает гнет самодержавия. Поэтому в России, несомненно, есть возможности для сотрудничества с либералами, при том, что для социалистов в странах буржуазной демократии это совершенно исключено. Плеханов точно обозначил различие в их мнениях, сказав Ленину: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом». В долгих беседах с Аксельродом Ленин, наконец, признал свое заблуждение и согласился с мнением наставников. Однако его уступка оказалась временной, ибо этот спор 1895 года явился предшественником основного пункта разногласий между большевиками и меньшевиками.

Аксельрод старался разъяснить Ленину позицию Группы в отношениях с молодыми социал-демократами в эмиграции и ее мнение о законной и необходимой роли в движении России. Он доказывал, что в условиях быстрого развития социал-демократии более, чем когда-либо, необходимо сохранить организационную цельность Группы. Ее выдающаяся способность хранить революционные традиции и теоретическую стабильность движения позволит создать необходимый противовес возможным отклонениям, которыми чреват приход новых сил, имеющих лишь поверхностное знакомство с социал-демократией. Фактически, Аксельрод давал инструкции новому руководству российской социал-демократии в лице Ленина относительно сохранения Группы, признания ее авторитета в движении, а также сохранения штаб-квартиры движения за границей, а не в России. Он описывал свое видение отношений между Группой и социал-демократами на родине следующим образом: «Мы — маленький отряд армии, очутившийся на высокой горе, в безопасном месте, в то время как в долине еще продолжается бой. С вершины мы следим за боем и, благодаря преимуществам нашего положения, мы можем легко обозревать все поле битвы, оценивать общее положение. Но детали борьбы и положения в долине ускользают от нашего взора. Эти детали могут быть учтены лишь нашими товарищами, непосредственно ведущими бой. В интересах дела необходима самая тесная связь и взаимный контроль между армией и отрядом ее, заброшенным на вершину горы»²⁹.

Простота и искренность Аксельрода, а также сила его доводов произвели глубокое впечатление на Ленина и усилили его восхищение марксистами-эмигрантами. Он согласился практически на все, о чем просил Аксельрод, что, конечно, повысило его авторитет в глазах Аксельрода. Марксисты-эмигранты убедили его в необходимости наце-

лить движение на агитационную работу. Он также принял близко к сердцу их призыв к немедленной организации марксистских сил в политическую партию, определению ее позиции по всем важным общественным вопросам и в будущем в превращении ее в центр растущих оппозиционных настроений³⁰. Не может быть никаких сомнений в том, что Ленин глубоко уважал Группу и молчаливо принял ее концепцию той функции, которую она должна выполнять в последующих операциях. Он охотно согласился на предложение Аксельрода о том, что организация в России будет называться Союз «Освобождение Труда», признавая, таким образом, свой долг перед основателями русского марксизма и свою связь с ними.

Среди значительных задумок намечалось и издание агитационной литературы, под эгидой «Союза русских социал-демократов за границей», для ведения социал-демократической кампании среди фабричных рабочих. Кроме брошюр, СРСД брал на себя издание журнала под заглавием «Работник». Публиковать в нем новости и статьи, а также распространять его должны были товарищи в России; Плеханов и Аксельрод будут выступать в качестве редакторов. Молодежь СРСД сделает свой серьезный вклад технической помощью (деньги, типографские услуги и т. п.), организацией тайных транспортных путей и публикацией отдельных статей. Таким образом, впервые Группа, зарубежная социал-демократическая молодежь и активисты в России объединились для совместных дел. Марксисты в России, заверил Ленин, сделают все возможное для поддержания установленных связей и выполнения совместно принятых решений. Он сдержал свое слово, и даже после его ареста в России в декабре того же года связи между эмигрантами и Россией не прервались. Систематический поток средств, корреспонденции и нелегальной литературы, курьеров, стал неотъемлемой частью жизни российской социал-демократии. Такое подтверждение значительности Группы стало источником огромного удовлетворения для Плеханова и Аксельрода, причем последний, даже возненавидев Ленина, продолжал называть эти первые встречи с ним «одним из самых счастливых и светлых моментов в жизни Группы „Освобождение Труда“».

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» оказался самой эффективной революционной организацией в России после гибели «Земли и Воли» и первой «Народной Воли». Как и в прежних группах, силы делились на функциональные секции, часть которых получала полномочия на агитацию в различных районах города;

а другие обеспечивали техническую сторону деятельности. Управление «Союзом» было поручено центральному бюро, членами которого стали и Ленин, и Мартов. Одновременно с периодом формирования организации по Петербургу прокатилась стихийная волна стачечного движения, что дало прекрасные возможности социал-демократам. Они воспользовались ими и, следуя предписаниям, изложенным в статье «Об агитации», собрали по своим каналам среди рабочих точную информацию об условиях на различных фабриках и поводах для начала стачек. Члены «Союза» использовали эту информацию в речах и листовках, обращаясь к рабочим с призывом объединиться, помогая сформулировать задачи и разработать тактику борьбы³¹. Все чаще социал-демократы играли решающую роль в советах бастующих рабочих и составляли требования рабочих к хозяевам. В то же время социал-демократы стремились всеми возможными средствами внушить рабочим понимание более широких проблем, связанных с их борьбой: это были не только сражения рабочих данного завода и администрации, но эпизоды большого похода рабочего класса в целом против капиталистической системы, с присущими ей средствами эксплуатации. Они не упускали возможности подчеркнуть роль государства как защитника буржуазии, а отсюда — и необходимость политической борьбы, если речь идет о подлинных рабочих интересах.

Накапливались ободряющие свидетельства правильности их действий. Часто наниматели соглашались выполнить требования рабочих, но, когда возобновлялась работа, зачинщиков отправляли в ссылку. Карательные меры не остановили стачечное движение; и, по одному из сообщений, появления агитационных листовок в руках рабочих нередко оказывалось достаточным, чтобы вырвать у фабrikантов уступки. Возможно под влиянием этих событий, так называемая «Группа народовольцев», которая также действовала в столице в 1895 году, перешла на позицию, идентичную социал-демократической. Полагая, что при таком стремительном развитии событий не следует ожидать выхода «Работника», марксисты объединились с «Группой народовольцев» для издания газеты для пролетариата. К несчастью для них, в декабре полиция арестовала весь первый выпуск газеты, а заодно и группу революционеров, в том числе Ленина. В январе 1896 года были арестованы Мартов и другие. Два ареста подряд унесли почти сотню человек, включая самых закаленных руководителей петербургского движения³². Но, несмотря на эти серьезные потери, в 1896 году движение набирало силу. Нелегальные типографии продолжали выпускать

листовки, агитацией было охвачено все большее число заводов, росло количество рабочих кружков. Если в 1895 году по всей России бастовало около сорока—пятидесяти тысяч рабочих, то в 1896 году только в Петербурге одна стачка охватила тридцать пять тысяч текстильщиков.

Причиной стачки текстильщиков послужило недовольство одной фабричной группы, лишившейся заработка не по собственной вине, когда, в связи с торжествами по случаю коронации Николая II, была приостановлена работа на предприятиях³⁵. Группа проявила достаточную степень классового сознания и отправила своих представителей с призывом на другие текстильные фабрики города. Получив сочувственные отклики, они организовали чрезвычайный митинг на площади, на котором присутствовало около ста представителей нескольких фабрик, совместно составивших список требований от имени всех текстильщиков. Эти требования, в том числе о сокращении рабочего дня с двенадцати до десяти с половиной часов, Петербургский «Союз» напечатал в виде листовки и распространил по всему городу. Полиция не смогла справиться с огромной толпой, вылившейся на улицы, когда началась стачка, охватившая тринадцать фабрик. Арест и ссылка тысячи рабочих не заставили других возобновить работу; не помогли также призывы и обещания министра финансов Витте. Рабочие проявили отличную дисциплину и порядок в течение всего месяца стачки и согласились вернуться к работе лишь после обещания правительства созвать совещание представителей власти и заводчиков для рассмотрения требования о сокращении рабочего дня. Когда правительство начало медлить с принятием положительного решения, возобновленная в январе 1897 года стачка поставила проблему с новой остротой. Наконец, был издан указ о сокращении рабочего дня до одиннадцати с половиной часов. Рабочие не добились полного удовлетворения своих требований, однако им удалось заставить правительство пойти на определенные уступки. Они доказали свою силу и могли праздновать победу, а социал-демократы имели право поздравить себя с успешным руководством всеми событиями.

На свет появилось российское рабочее движение, и с этого времени правительству приходилось с ним считаться. При всей симпатии к начальникам, ради собственной безопасности и прочности положения, правительство время от времени принимало меры для умиротворения кипящей рабочей массы. Социал-демократы, со своей стороны,

приобрели значительное влияние среди петербургского пролетариата, что невероятно увеличило их силу и возможности. Стратегия агитации оправдывала все ожидания. Кроме этих завоеваний, как только социал-демократы окунулись в борьбу рабочих, их движение потеряло прежний эпизодический характер и стало самовозобновляющимся. Полицейские репрессии уносили агитаторов, но им быстро находилась замена. Установив контакт с широкими кругами рабочего класса, они получили целую цепь связей, по которой людей можно было передвигать по вертикали, заполняя опустевшие места. Кроме того, достижения и перспективы развития рабочего движения привели к постоянно му притоку радикальной интеллигенции в ряды социал-демократии. «Легальный марксизм», тогда находившийся в полном расцвете, облегчал этот приток. Через социал-демократов, наконец, осуществлялось то соединение части интеллигенции и части «народа», которого прежние поколения радикалов отчаялись когда-либо достичь.

Движение не ограничилось только столицей. По мере роста влияния марксизма, социал-демократические организации возникали в промышленных центрах по всей стране. Такие действия как высылка тысячи участников стачки из Петербурга в 1896 году, дали толчок к развитию движения во многих других районах страны. В 1896—1897 годах социал-демократические группы работали в Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославле, Тифлисе, Риге, Нижнем Новгороде, Ростове, Самаре, Иваново-Вознесенске, Воронеже и других городах³⁴. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», благодаря своим успехам, служил образцом практически для всех вновь создававшихся организаций. Агитация в целом, и петербургская стачка в частности, превратили российскую социал-демократию из незначительной секты в самую влиятельную оппозиционную силу девятнадцатого века в России.

Весной 1896 года Плеханов писал немецкому социал-демократу Карлу Каутскому о том, что не может взяться за литературный труд, в котором они оба были заинтересованы, потому что чрезвычайно занят рабочим движением, которое «принимает в России неожиданные размеры»³⁵. С началом петербургской стачки снова поспешили посланцы к ветеранам-марксистам в Швейцарию. На этот раз это были Струве и Потресов с просьбой, чтобы Группа организовала моральную и материальную поддержку стачечников среди социалистов Запада³⁶. Плеханов и его соратники имели возможности выполнить такую задачу. За

почти пятнадцатилетний период они установили тесные рабочие связи с социалистическими движениями на Западе, а многих лидеров могли называть своими личными друзьями. Еще в первые годы изгнания они пользовались уважением и расположением видных социалистов, чего нельзя сказать об их политических делах. Аксельрод имел дружеские отношения с Каутским и Бернштейном в Цюрихе, где эти два немца в восьмидесятых годах издавали социал-демократическую газету. Энгельс писал благожелательные письма Вере Засулич и охотно разрешил переводить на русский язык труды свои и Маркса³⁷. А Каутский безоговорочно оценил Плеханова в письме к Энгельсу еще в 1884 году: «Он производит очень хорошее впечатление. Простой, без показух, очень энергичен и так начитан, что мне порой стыдно за себя»³⁸.

Плеханов познакомился с Энгельсом в 1889 году через Кравчинского, с которым сохранял дружеские отношения, несмотря на политические разногласия. Кравчинский поселился в Лондоне и там познакомился с Энгельсом и другими тамошними радикалами. По завершении Учредительного конгресса Второго Интернационала в Париже Кравчинский пригласил Плеханова и Аксельрода побывать у него в Лондоне и познакомиться с Энгельсом. Они охотно согласились, и Плеханов получил огромное удовлетворение, проведя с почтаемым мэтром почти неделю в обсуждении широкого круга вопросов, представлявших общий интерес. Это были, как говорил он впоследствии, «счастливейшие дни моей жизни». Плеханов, которого считали высокомерным и холодным, был почтителен и кроток с Энгельсом. Когда несколько лет спустя он набрался смелости и стал писать старшему товаришу, он обращался к нему «Дорогой и уважаемый учитель», пока его не попросили перестать называть «учителем». Впоследствии, несмотря на то, что Энгельс просил называть его «просто Энгельс», Плеханов чаще заменял его на «Мой генерал». Его почтительное отношение проявилось еще раз, когда ему пришлось искать убежища в Лондоне после выдворения из Франции. Однажды, желая поработать в богатой редакциями библиотеке Энгельса и направляясь туда, он несколько раз поворачивал обратно, боясь показаться назойливым. Потом они сблизились, и, когда Плеханов получил разрешение соединиться с семьей в Женеве в конце 1894 года, он покидал Лондон с сожалением. Он писал Каутскому: «Нигде больше не найду я такой библиотеки, как Бри-

танский Музей, и нигде не встречу такого человека, как Фридрих Энгельс».

Подозрительность и недоверие, встретившие Группу сначала, постепенно рассеялись. Эта перемена частично была связана с крушением надежд относительно народнической революции. К концу восьмидесятых годов социалисты Запада вынуждены были признать, что жестоко обманулись в своей вере в народовольцев. Естественно поэтому, что они стали относиться с большей симпатией к тем, кто стремился к организации рабочего движения. Но и тогда Группа сталкивалась с пренебрежительным отношением, напоминавшим о том, что еще не все круги готовы были принять ее полностью. Несомненно, Либкнехт смутно подозревал, что народовольцы все-таки представляют более серьезную революционную силу, когда в 1890 году искал возможности получать информацию о России для своей газеты «*Vorwaerts*» и предположил пригласить Лаврова, а не Плеханова³⁹. Возможно, и Плеханов желал пресечь еще одно неясное подозрение, когда говорил на международном конгрессе социалистов в 1891 году: «Мы не доктринеры, готовые принести практические успехи революционного движения в жертву теории»⁴⁰. Неопровергнутое отсутствие практических достижений до того времени могло вызвать у ряда социалистов Запада сомнения относительно доктринерских изощрений Группы. И все же, когда наконец поступили сообщения о внушительных практических успехах в Петербурге в ходе стачки 1896 года, Либкнехт, в отличие от других, реагировал довольно прохладно. Он сказал изумленным русским марксистам, что рабочие забастовки не годятся как метод борьбы в России, что гораздо предпочтительнее студенческие волнения⁴¹.

³⁹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 11. С. 21—22; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 724; Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. С. 257, 265—266; письмо Плеханова Каутскому, датированное 20 декабря 1894 г., находящееся сейчас в МИСИ (Амстердам). Когда девять месяцев спустя Энгельс умер, Плеханов писал Каутскому: «Бессмыслицо говорить вам, как я опечален. Это был великий человек, и в то же время — любезный». Это письмо также находится в МИСИ.

⁴⁰ При всем этом отношения Плеханова с Либкнехтом в общем были достаточно теплыми. Они познакомились в 1889 году, и Либкнехт приезжал к Плеханову в 1892 году, когда тот находился в изгнании в Мори. В следующем году Либкнехт сообщал Плеханову, что любая его работа будет охотно принята в «*Vorwaerts*». И можно вспомнить, что в 1894 году, в период несчастий и полного отчаяния, Плеханов обращался к Либкнехту за советом и помощью.

Однако это были довольно необычные случаи. Они бледнеют при сравнении массы свидетельств растущих симпатий западных коллег к русским марксистам. Плеханов, несомненно, считал действия Либкнхта, в лучшем случае, необъяснимыми ошибками, а в худшем — результатом воинственного незнания российских дел⁴¹. Для него утверждение группы состоялось в 1894 году. Тогда Энгельс дал согласие Группе «Освобождение Труда» на новое издание его полемики с Ткачевым. Согласившись вновь представить вниманию читателей свою резкую критику народнических проектов и явительное опровержение возможности успеха тайного заговора, Энгельс использовал свой авторитет в поддержку русских марксистов. Фактически он признавал, что его сомнения относительно возможностей движения в России были ошибкой, достойной сожаления, что Плеханов в «Наших разногласиях» был прав, а Энгельс, критикуя эту работу, ошибился. Так, хотя и с опозданием, были слажены впечатления о помощи и поддержке, которую, к великому замешательству русских марксистов, оказывали народникам Маркс и Энгельс.

Как ни парадоксально, Группа «Освобождение Труда» завоевала для России место в рядах международного социализма за много лет до возникновения российского рабочего движения. Это удивительное положение создалось, прежде всего, благодаря международному признанию Плеханова как марксиста-теоретика, ученого и писателя. Сначала девяностых годов его работы привлекали восхищенное внимание самых известных представителей социалистической мысли в Европе. В письме Каутскому Энгельс назвал «превосходной» серию статей о Гегеле, которую Плеханов написал для немецкой печати. Каутский отвечал: «Я очень рад, что вам так понравилась статья Плеханова. Меня она тоже чрезвычайно заинтересовала... Я считаю Плеханова самой значительной фигурой среди молодых марксистов»⁴². Примерно год спустя, в ответ на статью, которую Плеханов приспал в «Vorwaerts», Либкнхт писал ему: «Все, что Вы для нас напишете, мы примем с радостью»⁴³. Плеханов действительно стал частым автором в «Neue Zeit» Каутского, а также в газете Либкнхта. Вскоре у него завязались еще более тесные литературные связи с этой самой активной и мощной социалистической партией Европы. Были переведены несколько его книг и статей, и он неоднократно получал предложения написать оригинальные статьи по различным вопросам для немецкой социалистической печати. Например, его крупное исследование «Очерки по истории материализма» было первоначально написано для издания в

Германии, И Каутский, и Либкнехт просили у него полемические статьи об анархистах, когда последние снова активизировались в середине девяностых годов. Вслед за немецкими, и французскими, английскими и итальянскими социалистами переводили труды Плеханова. Руководители этих партий, в свою очередь, были рады оказать Плеханову и его Группе всевозможную поддержку.

Русские эмигранты-марксисты живо откликнулись на просьбу Потресова и Струве и активно занялись сбором средств среди западных социалистов для оказания помощи бастующим рабочим Петербурга. Их стараниями многие европейские газеты, социалистические и несоциалистические, были убеждены в необходимости предоставить свои страницы известиям о волнующих событиях в Петербурге. В Лондоне Вера Засулич, в тесном сотрудничестве с английскими рабочими лидерами, добилась проведения ряда резолюций в поддержку петербургских рабочих и сбора денежных средств в помощь бастующим. Она также пыталась, хотя успех был весьма скромным, обратиться к либеральным буржуазным кругам противников российского самодержавия⁴⁴. Некоторое число откликов было получено на обращения в авенской «Arbeiter Zeitung», назвавшей стачку «событием исторического значения»⁴⁵. Однако Либкнехт в своем комментарии пренебрежительно отозвался о ее значении, и, как результат, помочь немецкой социал-демократической партии оказалась незначительной.

В Лондоне непосредственно после стачки собрался Четвертый Конгресс Интернационала. То был триумф Плеханова и русских марксистов. Плеханов неохотно присутствовал на Учредительном конгрессе 1889 года, сознавая, что представляет лишь собственную крошечную группу. На этом основании он и Аксельрод отказались от участия в Брюссельском Конгрессе в 1891 году, направив туда лишь письменный доклад для раздачи делегатам. Однако для участия в Четвертом Конгрессе 1896 года прибыла большая русская делегация, в том числе Плеханов, Аксельрод, Засулич, Струве и Потресов. Они представляли социал-демократические группы десяти городов, включая петербургскую организацию, которая только что провела стачку текстильщиков. После того, как Поль Лафарг уговорил Плеханова присутствовать на Конгрессе 1889 года, Плеханов произнес краткую речь, завершив ее пророчеством: «революционное движение в России восторжествует только как РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ или же никогда не восторжествует!»⁴⁶. Его слова, несомненно, показались тогда многим делегатам несколько преждевременными; они обрели некоторые основания в 1896

году. Если молодое рабочее движение заставило самого царя прислушаться к его экономическим требованиям, со временем оно может поставить и политические условия. Делегаты сумели оценить значимость этого события и приняли следующую резолюцию: «Конгресс считает нужным указать на чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителей от русских рабочих организаций на международном съезде. Он приветствует пробуждение русского пролетариата к самодеятельной жизни и от имени борющихся рабочих всех стран желает русским братьям мужества и непоколебимой борьбы в их тяжкой борьбе против политической и экономической тирании. В организации русского пролетариата конгресс видит лучшую гарантию против царской власти, лежащейся одной из последних опор европейской реакции»⁴⁷.

С тех пор русские марксисты могли разговаривать со своими западными коллегами с высоко поднятыми головами. Вопреки всему, они вызвали к жизни социал-демократическое движение, которое обеспечило совершение то, что не удавалось ни одной другой силе в России. Место в Интернационале, прежде предоставленное им из вежливости, теперь они могли занимать по праву.